

16. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Е. Максимов. – Л. : Сов. писатель, 1975. – 528 с.
17. Белый А. Переписка, 1903–1919 / Андрей Белый и Александр Блок ; публ., А. В. Лаврова. – М. : Прогресс – Плеяда, 2001. – 606 с.
18. Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. / А. А. Блок ; под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. – М. ; Л. : Худож. лит., 1960–1963.

УДК 821.16.03

Стойчева Елисавета
(Благоевград, Болгария)

ОБРАЗЫ ПАИСИЯ ХИЛЕНДАРСКОГО В БОЛГАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Доклад рассматривает четыре неканонических рассказа, которые представляют образ первого болгарского историографа нового времени Паисия Хилендарского, автора «Истории славеноболгарской», написанной в 1762 г. Сделаны и некоторые сравнения с версиями о родном месте и о месте, где похоронен автор.

Ключевые слова: Паисий Хилендарский, «История славеноболгарская», неканонические рассказы, версии о родном месте, версии о месте, где похоронен, мифологизация.

Преподобный Паисий Хилендарский – болгарский историограф, который жил в XVIII веке. В литературе он известен единственным своим произведением, написанным в 1762 г. в Зографском монастыре в области «Света гора». Его работа «История славеноболгарская» считается началом новой болгарской литературы и отмечает своей духовностью и своими идеями Болгарскую литературу Возрождения. Как каждый значимый автор и он влияет на своих последователей. Некоторые из них используют части его работы, чтобы возвеличить историю своей родины или чтобы представить факты из жизни наших предков. Другие переписывают и перерабатывают его книгу с целью сделать ее точнее или длиннее. Сегодня нам известны более 60 переписей и переработок его произведения. Его переписывали в течении 117 лет. Первая перепись сделана в 1765 г. Софронием Врачанским в Котеле, а последняя – в 1882 г. Константином Чучулайным в Банско.

В болгарской художественной литературе образ Паисия Хилендарского моделирован в оде названной тем же именем Ивана Вазова и в романе „Хилендарский монах” Дмитра Талева, написанный в 1962 г. благодаря им оформлены внешние и в некоторой степени и внутренние черты монаха в сознании болгар.

В болгарской неканонической литературе присутствуют и другие произведения, посвященные монаху. Сегодня они не очень известны. Большинство из них опубликованы в газетах и журналах прошлого века и их никто не издавал с тех пор вновь.

При более глубоком исследовании можно увидеть, что большое количество произведений, посвященные Паисию Хилендарскому, появляются в периодах годовщин. Тогда раскаляются и версии о родном месте и месте где похоронен, автор актуальные и сегодня.

Стихотворения, посвященные монаху, тоже печатаются в прессе накануне чествований или круглых годовщин и они включены в юбилейные издания. Они, как будто написаны по заказу и величают дело и личность его, но остаются в пределах неканонической литературы и не имеют ту же стоимость в болгарской поэзии, какую имеет ода „Паисий“ Ивана Вазова.

В рассматриваемых в настоящем докладе белетристичных произведениях основным является включение некоторых фактов из жизни Паисия, которые известны и нам сегодня. Заметно медленное накопление по отношению сюжета и образа. Часто встречается в них вставление других исторических личностей, сыгравших роль в Болгарском возрождении. В некоторых произведениях отмечено нашествие турков, в других говорится о греческом фанариотском влиянии на болгарских христиан.

В некоторых рассказах, печатанных в его чести, можно обнаружить много фактологических ошибок и чудатых вымыслов. Похвально то, что авторы сотворили произведения о человеке, о котором есть мало известных нам данн. На определенных местах они были робкими в манере писания и не успевали продемонстрировать глубину своего замысла, в результате чего произведение получилось посредственным. Есть места в произведениях, которые вызывают интерес и заслуживают интерпретацию. Цель настоящего доклада – рассмотреть три рассказа и одну новеллу, посвященных первому болгарскому историографу нового времени.

Часто в произведениях выступало метафоричное как визитная карточка вклада Хилендарца. Пример этому легенда „**Звонарь**“ Евгения Михайлова. Еще на первых страницах автор описывает качества священнослужителя. Его любили болгары и недолюбливали греки, умен и настойчив по отношению своей работы. Использована информация, которую сам Паисий дал в „Истории славеноболгарской“, включая упомянутые им боли в животе, которые мучали его непрерывно. Рассказ начинается с момента начала писания „Истории“ в Зографском монастыре. Рассказ вводит читателя в диалог между „граматикой“ Паисия и „хромого звонаря“ – брата Никодима. Акцент поставлен на тот момент, когда автор „Истории славеноболгарской“ читает свое произведение светогорскому брату. Последний неожиданно выпрямился, поклонился и произнес мудрые слова, пересказанные следующим образом:

„ – Я звоню в колокола этого монастыря, брат мой, ..., – но настоящий звонарь это ты. Моих колоколов слышно на невеликое расстояние, а твои прогремят по всей земле родной.“ (Михаилов 1973: 11)

Разказчик легенды описывает Паисия как осознанного родолюбца, понимающего значение своего произведения, а еще как обладателя новой духовности, переданной его собеседнику, который с своей стороны тоже смотрит на „Историю“ как на нечто великое и значимое. Слова, которые звонарь Никодим говорит, и мысли, которые выражает, не присущие современникам Паисия. Это слова человека вполне понимающего и оценивающего дела монаха. Это слова нашего современника, у которого ясное представление о значимости произведения. Это мысли, опередившие века. Звонарь из второстепенно-

го персонажа рассказа превращается в голос из будущего, воспринимающего еще тогда Паисия как будителя: „(...) *звонарь, который разбудил Болгарию с помощью маленьким бумажным колокольчиком*” (Михайлов 1973: 11).

В рассказе „**Паисий**” Камена Калчева, которому не достают углубленные идеи, может быть из-за детской своей направленности, Паисий представлен как монах двигатель, которого является идея доказать свой произход и произвел болгаров перед пономарем Калистратом. Калистрат дает лживые примеры о болгарях и в этом издевательстве на его стороне были слушающие монахи. В разговоре Калистрат называет Паисия „преподобным”. Таким образом есть стремление либо иронизировать героя, либо это является грубой ошибкой автора рассказа. Паисий спрашивает Калистрата о его произхождении, потому что думает, что он болгар – Калистрат это отрицает. Главный герой исчезает на два года из монастыря, а после своего возвращения, пишет „Историю славяноболгарскую” и предлагает Калистрату прочитать ее. Он отказывается сделать это и бежит, а Паисий проклинает его и кричит вслед ему:

„Завтра же спущусь среди моих братьев болгар – стану просвещать их. Пусть и они знают, что славное было у них прошлое и надо им гордиться!” (Калчев 1970: 74)

Главный герой исчезает на следующем же дне после разговора. Мятежное чувство в нем не оставляет его в покое – нечто необычайное для монаха, который 17 лет своей жизни отдал на служение церкви. Обобщить здесь можно следующее: диалог между болгаром и греком спровоцирован идеей греческого духовного влияния описанного в „Истории славяноболгарской”. Здесь мы видим монолог из его произведения, введенный как диалог в рассказе. Читатель может сам сопоставить гордость героя с гордостью Я-повествователя из „Истории”, а еще – почувствовать патриотизм и волю для популяризации идей.

В другом произведении разработан нетрадиционный сюжет, который благодаря своей инновативной нагрузки делает приятное впечатление исследователям, критикам или историкам и является нехарактерным и различным. Речь идет о рассказе Фани Поповой-Мутафовой – „**Одна встреча**”. В нем фрагмент из жизни монаха, но центр действия находится в стороне. Паисий здесь путник-монах, проходящая через сюжет рассказа личность, которая не блещит своими действиями. Налично только короткое физическое описание: „высокий” (Попова Мутафова 1970: 20), совпадающее с некоторыми из рассказов о внешнем виде монаха из Атона, записанными Д. Мариновым: „...*солидный, но высокого роста, с могущим телосложением.*” (Маринов 1912: 117). Паисий приезжает в дом отца Стойко в г. Котел, где всущности и развивается само действие. Там Софроний читает „Историю славяноболгарскую” перед гостями и после этого переписывает ее. Хозяин выражает свое восхищение Паисием целуя руку его и произнося: „*Пусть будет благословенна рука, которая написала эту книгу ...*”. (Попова-Мутафова 1970: 23). Снова упомянуты боли в животе и головная боль хилендарца. У отца Стойко есть идея переписать его труд еще на следующем дне, восклицая, что его надо распространять и читать в церквях. Отмечено время встречи – январь 1765 г. это и есть та встреча, о которой знаем, что осуществилась при переписи, но о ней у нас нет особо подробного описания. Автор занялась с задачей показать эту встречу, но в рассказе Паисия встреча показана только как таксидиот, внимание не сосредоточено на его личности. Он введен в сюжет и все таки находится в стороне, а не в центре. Кульминация представлена наспех, как и сам герой.

В новеле „Победоносец” (Делян 1970: 48-67) герой представлен как дикий молодой человек по имени Пенко, который защищает честь своей сестры по имени Тодора, убивая своими руками доставшейся ему в наследство саблю тринадцать турков. В следствии этого Теодора сама кончает своей жизнью. Массовое убийство, совершенное молодым человеком, быстро было забыто турками благодаря огромной сумме денег, которую вы заплатил его брат – хаджи Вычо, умиротворяя таким образом везира. И здесь присутствуют проблемы со здоровьем, о которых сам Паисий говорит в своем произведении.

Другое, характерное в новеле – цитаты из „Истории“, которые встречаются в двух местах. Описание утраченной чести сестры живет в многих версиях – и в Банской, и в Самоковской. И на обеих местах присутствует образ сестры, нечистые намерения закрепостителей к ней, в некоторых случаях присутствует и ее обесчещение, но убийство турка является основной причиной побега молодого человека и прибытие его в монастырь где находится и его брат. Сходное описание находим и в Троянской версии. Там семья бежит из Банско в Копривщицу, но и там ее находит один из насильников. В результате этого следует побег в город Троян.

Тем, чем отличается рассказ Банской от рассказа Самоковской версии – имя сестры. В обеих версиях она названа Еленой, а в рассказе – Теодорой. В Троянском варианте имя сестры не сохранилось, но речь идет об убийстве из-за отнятой чести сестры.

В четырех рассмотренных художественных произведениях, которые посвящены автору „Истории славеноболгарской”, видно продолжение или перекрывание исторических данных из жизни агонца. В них его образ построен на основании отрывков, которые достигли до нас, его патриотической духовности, заключенной в его произведениях и по мере того, как мы его воспринимаем – как святого и как значимую личность в нашей истории. Построенные некоторыми авторами (Талев, Вазов) образы не представляют нам Паисия в ином свете. Большинство из художественных произведений, созданы под влиянием версий, немой той же силе и духу, какие имеют „Паисий” и „Хилендарский монах”. Они не находятся на одном уровне с романом Талева и одой Ивана Вазова, но несмотря на это выстраивают и оформляют рецепцию Паисия как мифологизированную фигуру. Они являются ядром того, кем является для болгар Паисий сегодня и чем выделяется его вклад в нашу историю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делян 1970: Делян, Д. Стоте очи на Глазне, новели, Държавно военно издателство С. 1970, с. 48-67
2. Калчев 1970: Калчев, К. Сребърният ключ, разкази за деца, Народна младеж, издателство на ЦК на ДКМС, С. 1970, с. 69-74
3. Мантов 1969: Мантов, Д. Стъпалата на надеждата, разкази, Народна младеж, Издателство на ЦК на ДКМС, С. 1969, с. 19-27
4. Маринов 1912: Маринов, Д. „Спомени и легенди за отца Паисия, запазени в Св-гора”, приложение на Църковен вестник, кн. XXI, 1912, с. 113-138
5. Михайлов 1972: Михайлов, Е. Кръстове и звезди, Държавно военно издателство, С. 1972, с. 7-11
6. Попова-Мутафова 1970: Попова-Мутафова, Ф. Велики сенки, Издателство Христо Г. Данов, Пловдив, 1970, с. 19-24